

Мой учитель Виктор Иосифович Рейхет

Впервые я увидел В.И.Рейхета во время развески в "циркуле" экзаменационных работ при поступлении в Институт.

Был жаркий июль 1969 года. Позади- тяжелейшие экзамены, впереди – неизвестность. Вот сейчас мы, поступающие, - все вместе, а завтра – ВТО-то поступил, а кто-то уйдет в армию или еще куда...

В самый разгар развески появился смуглый седоватый человек с тяжелым взглядом исподлобья. Меня особенно поразила очень широкая голова необычной формы и лицо, словно со старых немецких картин. Он сходу стал сиповатым голосом кричать нам:

- Теснее вешайте, здесь вам не СХШ (?) И не Эрмитаж!

Кто-то сказал, что это Рейхет.

Как, отец Пети, моего знакомого по школе? Как непохожи!

Как непохож этот господин с медальным лицом и остановившимся взглядом на разбитного, веселого Петю...

Тогда я еще, естественно, не знал, что Рейхет станет моим учителем.

Вторая наша встреча произошла при распределении по мастерским. Он уже не казался мне таким грозным. Видимо, ему понравились мои работы, и через несколько дней Виктор Иосифович упросил В.В.Пименова взять меня с собой на практику (2 курса) в Архангельскую область.

Эта поездка во главе с таким блистательным пейзажистом как Валерий Васильевич Пименов, красота русского Севера, оставили неизгладимое впечатление и оказали большое влияние на мою дальнейшую творческую жизнь.

Другим учителем живописи в живописи, повлиявшем на меня, стал Виктор Иосифович Рейхет. В мастерской Виктора Михайловича Орешникова, куда я попал, Рейхет был в те годы едва ли не основной фигурой: В.М.Орешников (наш ректор) часто болел, А.Б.С.Угаров часто уезжал. И Виктор Иосифович, как сильная крестьянская лошадь, тянул мастерскую.

Он был немногословен, говорил только о самом, как он считал, важном. В основном же его педагогический метод заключался в практическом показе. В полной мере этот тяжелейший труд может оценить только тот, кто видел. Это сотни километров по мастерской: Рейхет любил далеко отходить от холста, это тонны красок, перенесенные на сотни холстов, большинство из которых было переписано от угла до угла.

Виктор Иосифович приходил всегда к началу занятий, а уходил в конце третьего часа, иногда захватывая и обеденный перерыв. Переходя от одного студента к другому, у одних он ограничивался правкой больших отношений, у кого-то обобщал фон, но часто переписывал и весь холст.

Перед работой он первым делом требовал надавить побольше красок:

- Белил давай, охры, кости жженой, керосинчику плесни, кисть мне побольше...

Мощная кисть, шутя, сметала вялые и робкие построения студента, широкие отношения писались очень густым слоем. Помню, как меня поразило тот факт, что Рейхет пишет корпусно даже самые темные и глубокие тени. Это расходилось с привычными представлениями. Но это же позволяло избежать провалов и чернот. Свет, скользя по фактуре мазка, делал тени легкими и бархатистыми.

Работа велась в основном в пятне, линия практически не использовалась, рисунок зачастую был груб, но пропорция и характер всегда точны.

Излюбленными гаммами Рейхета были золотисто-коричневая и серебристая, с белыми и черными акцентами, так называемая "орешниковская".

Редки были голубые, синие. Красное не поднималось выше кирпично-терракотовой.

Должен заметить, что поправлял работу Рейхет не всем. У некоторых он ограничивался небольшими исправлениями, а к чьим-то холстам не притрагивался вовсе.

Таким редким исключением была, например, Наталья Еремина. Не думаю, чтобы ее плоскостная, жестковатая живопись особенно нравилась Виктору Иосифовичу и Еремину он как-то обходил.

Рейхет постоянно призывал учиться у старых мастеров. Постоянно на слуху был Валентин Серов. Как-то они с Б.С.Угаровым даже вспомнили, что подружились еще студентами, копируя один и тот же "Портрет Турчанинова".

Помню, как Виктор Иосифович восхищался картиной Я.Вермеера "У сводни", особенно тем, как написана рука мужчины: необычайно широко и почти без деталей. Многие студенты подражали Рейхету и не без успеха, тем более, если вдуматься, техника письма его была несложной и, наверное, ближе всего к технике *alla prima*.

Деталь делалась не специально, а как бы создавалась сама собой, путем стыка фактурных мазков, часто несмешанной краски. Тут Рейхет, на мой взгляд, в какой-то мере продолжал традицию В.Серова и Рембрандта, виртуозов фактурных ухищрений...

А вскоре в залах музея Академии персональная выставка Виктора Иосифовича, имевшая огромный успех.

Помню, как А.А.Деблер, обычно спокойно относившийся к творчеству И.Рейхета, очень хвалил некоторые работы. Выставка впечатляла разнообразием сюжетов, какой-то неукротимой энергией. Но я, с уважением относившийся к его большим картинам и видевший там множество живописных достоинств, совершенно потрясен был одним маленьким, наверное, натурным, этюдом к картине "Партизаны". Фигура в белом маскхалате так красиво была взята к массе снега, эти чудные краски лиц, одежды... Виктор Иосифович рассказал мне, что на академической даче он просто договаривается с местными мужиками, одевает их, как ему нужно, группирует, как это необходимо для очередной картины, и пишет.

Да, как непохож был этот в чем-то даже неуклюжий этюд на наши академические, сочиненные из головы эскизы!

Так, благодаря Рейхету, началось мое увлечение зимним пленером, продолжающееся и по сей день. Во время работы над дипломной картиной я, следуя заветам Рейхета, писал этюды на снегу всю зиму и испытывал подлинное упоение от того красочного богатства, которое раскрывалось передо мною. Естественно, что техника этих и ряда других этюдов, дипломной картины были "рейхетовские".

Думаю, что увлечение искусством этого самобытного и талантливое мастера оказало сильнейшее влияние на мою дальнейшую творческую жизнь.

2004г.